

Марина Потемина
(Калининград)

ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

В прошлом году исполнилось ровно двадцать лет со дня падения Берлинской стены. Немного, на первый взгляд, но вполне достаточно, чтобы подвести промежуточные итоги, круглая дата все-таки. Для СМИ — это замечательный информационный повод для повышения рейтинга, например за счет «(н)остальгических» шоу; для писателей — возможность выразить свою гражданскую позицию в виде нескольких эссе или очередного «романа объединения»; для простых зрителей и читателей — повод

вспомнить «былое» и, может быть, провести ревизию собственной жизни «до» и «после», жизни по эту или ту сторону Берлинской стены.

Запущенный два десятилетия назад механизм воссоединения сначала был принят немецким населением в целом одинаково восторженно, независимо от места проживания. Тогда казалось, что ничто и никто больше не сможет разделить и разлучить ощутивший перспективу единения народ. Но эйфория продолжалась недолго. Первые признаки некоторых противоречий, порой непреодолимых, можно было наблюдать в литературном сообществе. Тон задавали прежде всего писатели, критики, а также общественные и политические деятели, которые незамедлительно отреагировали на все сопутствующие объединению события достаточно эмоционально.

Немецко-немецкие споры

Как и следовало ожидать, первыми свое отношение к переменам высказали мэтры, представители старшего поколения писателей, ко-

торым всегда было свойственно желание обозначить свою гражданскую позицию. В ходе существенных общественных изменений, связанных с крушением ГДР и объединением Германии 3 октября 1990 года, они начинают активно вмешиваться в актуальные политические события. При этом как защитники, так и противники начавшихся процессов высказывают свое мнение по двум основным вопросам: о будущем Германии, с одной стороны, и о проблемах преодоления прошлого — с другой. Наиболее ангажировано проявляют себя в этом отношении Гюнтер Грасс, Криста Вольф, Штефан Хейм, Вольф Бирман, Мартин Вальзер и другие много повидавшие на своем писательском и общественно-политическом веку ветераны пера. Противоположные точки зрения этих писателей становятся причиной яростных дебатов о роли и задачах представителей немецкой интеллектуальной элиты в новых условиях. И что самое удивительное, центральной темой полемики становятся вовсе не литературные произведения, а поведение самих писателей в системе жизненных координат до падения Берлинской стены (их моральные принципы, образ мыслей, политические убеждения, отношение к утопии «демократического социализма», вопрос об отношениях между литературой и политикой, а также проблема ответственности писателей перед обществом). Особое рвение при этом начали проявлять те, кто в свое время предусмотрительно перебрался на Запад (Моника Марон, Гюнтер Кунерт и другие). Им вторили почувствовавшие конъюнктуру редакторы некоторых западных СМИ.

В чем же обвиняли восточно-немецких писателей? В том, что, будучи кастой привилегированных, они комфортно существовали в ГДР и не захотели или не смогли воспользоваться своим положением для критики существующего строя. Их упрекали в этом так неистово, что через некоторое время после объединения восточно-немецкие авторы и вовсе замолчали. Этому способствовала и утрата авторитета некоторыми занимавшими, казалось бы, прочное положение в обществе писателями, такими, как Криста Вольф, Штефан Хейм, Фолькер Браун. Это привело к общей атмосфере неуверенности и страха перед своим общественно-литературным будущим.

В качестве наглядного примера можно назвать дискуссию, развернувшуюся вокруг имени Кристины Вольф. Вышедший в 1990 году ее рассказ «Что осталось?» («Was bleibt?») и первые реакции на него со стороны Ульриха Грайнера и Франка Ширмахера стали причиной немецко-немецкого литературного спора, где эстетическая значимость произведения уступила свое место значимости общественно-полити-

ческой. Основное обвинение, предъявленное в связи с этим рассказом писательнице, заключалось в том, что он был опубликован не во время существования Берлинской стены, а намного позже, когда подобные откровения больше не имели никакого значения. Кроме того, она обвинялась в недостаточно критическом, излишне мягком отношении к социалистической утопии, которая казалась ей в реформированном виде почти жизнеспособной. «Случай Вольф», по словам К. В. Шмидта, становится показательным процессом разоблачения роли Интеллигенции в тоталитарной системе ГДР. Интеграция писательницы в систему ГДР, ее «внутренняя эмиграция» и одновременное участие во власти вместо открытой критики существующего строя заставляют сомневаться в личности писательницы и одновременно в ее творчестве [5, S. 287 – 318].

Из этого примера следует, что развал социалистической системы означал и трагические перемены в жизни и творчестве большинства авторов бывшей ГДР. Писатели старшего поколения оказались в достаточно сложной ситуации. С одной стороны, они обращаются к собственному прошлому, пытаются критически переработать его и проститься с ним. С другой стороны, им приходится подстраиваться под новые условия и отбиваться от нападков, направленных не только на их творчество, но и на них самих.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что не только восточные, но и западные писатели подвергаются яростной критике. Ни один из литературных текстов последних десятилетий не вызвал такого медийного и общественного резонанса, как роман Гюнтера Грасса «Широкое поле», 14 недель возглавлявший топ-листы бестселлеров. Дискуссии и споры, развернувшиеся вокруг романа, привели к тому, что, как упоминалось выше, само художественное произведение отошло на второй план. Вместо книги стали обсуждаться вопросы об утрате подлинной культуры чтения, слепоте и этических прегрешениях литературной критики и СМИ. Да и сам метадискурс стал объектом внимания и исследования. На повестке дня встали новые вопросы: что интересно читателю – собственно произведение или медийный спектакль, инсценированный вокруг него? хотят ли СМИ представить на суд читателя текст или сделать рекламу самим себе? «Широкое поле» Г. Грасса превратилось из события литературной жизни в событие социокультурного и политического масштаба.

Следует отметить, что Г. Грасс в своем романе поднимает не новую для себя тему. Он и до этого задумывался о возможных проблемах, связанных с объединением, и никогда не являлся яростным его сто-

ронником. Он выступал за сохранение ГДР в качестве независимого государства и за постепенное, «пошаговое» сближение «культурной нации». Г. Грасс обосновывает свою позицию примерами из немецкой истории и высказывает опасения по поводу возможного возникновения новой «великой Германии». Кроме этого, автор критикует западных политиков, которые, по его мнению, слишком быстро приняли решение об ускорении создания единого государства, не учитывая желания народа, форсируя тем самым «распродажу» социалистических ценностей.

Оппонентом Грасса в этом вопросе выступает Мартин Вальзер, который считается приверженцем быстрого и бескомпромиссного объединения. Еще задолго до политических изменений в ГДР он высказывался против самого факта разделения немецкого народа, считая, что «самоосвобождение» граждан ГДР открывает возможность объединения немецкой нации.

Эти примеры свидетельствуют, что во внутринемецком литературном споре после объединения страны литература как таковая уходит в тень. Возникшие в контексте объединения Германии дебаты среди интеллектуалов и представителей искусства в большей степени посвящены проблемам эстетики и морали, понимания роли писателя, а также его ответственности за свое творчество. Важным аспектом при этом остается вопрос о сведении счетов или примирении с прошлым. Отсутствие временной и пространственной дистанции по отношению к политическим событиям и решительное требование их литературной переработки в форме эпохального романа объединения приобретают анахронические черты и выявляют «очевидную близорукость подобного способа «переработки современной истории в литературе» [1, S. 18]. Центральной для литературы перелома становится формулировка Акселя Шалька, который предостерегает литераторов от превращения «беспристрастной, эстетически аргументированной» литературы в приземленную политическую риторику [4, S. 552–566].

В связи с этим вспоминаются слова Уве Виттстока, который заметил, что если стена не смогла посорить писателей Восточной и Западной Германии, то объединение с этой задачей справилось играючи [3].

«Диалог культур» или «стена в головах»?

«Восточные и западные немцы отдаляются друг от друга» — таковы результаты многочисленных опросов населения Германии: 42 % западных и 63 % восточных немцев отмечают различия в менталитетах

[3]. Отчуждение между восточными и западными немцами, по мнению социологов, со временем ничуть не уменьшилось. Стереотипные представления о «весси» и «осси» не только не были преодолены, а напротив, еще больше укоренились в сознании жителей Германии. «Стена в головах», как и предполагал в свое время немецкий писатель Петер Шнайдер, оказалась намного прочнее, чем берлинская стена.

Неудачная попытка диалога между восточными и западными немцами становится центральным мотивом романов нового поколения восточно-немецких писателей: Йенса Шпаршу, Томаса Бруссига, Инго Шульце и других. Выставленные напоказ, зачастую в гротескной форме, стереотипы и предубеждения сделали их романы бестселлерами.

В ироничной, с налетом сентиментальности манере изложения им удалось показать чувства своих соотечественников, в жизни которых «старое было разрушено, а новое еще не построено». Молодое поколение писателей предпринимает попытку восстановить баланс между западными и восточными немцами, преодолевая исторический процесс вытеснения всего восточногерманского из общественной жизни.

В романе «Комнатный фонтан» Й. Шпаршу вскрывает проблемы, возникающие между восточными и западными немцами в процессе налаживания коммуникации. Перегруженное стереотипами псевдознание о жизни друг друга в разных социальных и политических системах не только мешает взаимопониманию, но и создает почву для возникновения все новых недоразумений. Комическое отчуждение, а также иронический способ повествования определяют интонацию текста.

Различие в менталитетах и возникающие в связи с этим проблемы в общении друг с другом особенно заметны в разговорах Лобека и его коллег. Высокомерие и невежество одной стороны противопоставляются чрезмерной чувствительности и неуверенности в своих силах другой стороны. Так, отсутствие коммерческого успеха западный коллега главного героя Штрювер списывает на «сформировавшуюся в абсолютно ином обществе публику». Он рассчитывает на Лобека, представителя Восточной Германии, в составлении маршрута как на «коренного жителя», а также беспокоится по поводу возможного «культурного шока» у бывших жителей ГДР «в виду такого количества новых впечатлений». Штрювер интересуется «обычаями и нравами восточных немцев», делая их объектами научного исследования. Он говорит Лобеку, что рад возможности «сделать выводы о восточных немцах, основываясь на собственных наблюдениях» [6, с. 99]. Западный коллега ведет себя так, словно находится в далекой экзотической стране, а не в другой части Германии, тем самым вербально демонстрируя свое превосходство.

Основной аспект, который следует учитывать при рассмотрении этого и других романов данного периода, — чувство утраты Родины и связанное непосредственно с ним ностальгическое возвращение к системе ГДР. Восточные немцы, неожиданно столкнувшись с рыночными отношениями и анонимностью западного общества, разочаровались в Западе, к которому когда-то так стремились.

В романе Т. Бруссига стереотип является важным средством комического. Описание общества ГДР из одномерной перспективы «я» — повествователя в романе «Герои вроде нас» — до такой степени отчуждено, что читатель не может составить себе истинное представление о социалистическом государстве. Замысел автора — выставить на посмешище и разоблачить немецко-немецкие клише через их ироническое преувеличение, тем самым привлекая к ним особое внимание читателя.

Уже с первых строк романа «Герои вроде нас» автор иронизирует по поводу попыток своих собратьев по цеху переработать прошлое в виде многочисленных автобиографий и эссе. Недаром его роман начинается с преамбулы — отрывка автобиографии главного героя Клауса Ульцшта: «Я подумывал над автобиографией, в которой я с глубоким почтением встречаюсь с самим собой и которая была задумана а`la европейский очевидец своего времени. Она должна была бы заставить говорить обо мне в свете литературной или мировой нобелевской премии» [2, S. 5]. В единственном абзаце, написанном за два года, главный герой Клаус Ульцшт описывает момент своего рождения, а именно ночь 20 августа 1968 года. «Мир, в который я пришел, был политическим миром» [Ibid, S. 5], — отмечает герой, сразу заявляя основную тему своего произведения.

В этом политическом мире, по мнению Клауса, ему была отведена великая роль, так как именно он, а вернее, его мужское достоинство, увеличившееся вследствие несчастного случая до гигантских размеров, стало причиной падения Берлинской стены. Тривиальными средствами скабрёзного «низкого» стиля герой пытается «собрать мозаику исторической правды» [Ibid, S. 8]. Заниженная самооценка героя как личности в тоталитарном государстве символически выражена в маленьком пенисе. Благодаря неудачной операции, символизирующей процесс объединения, самооценка героя резко повышается — пропорционально росту его мужского достоинства (до гигантских размеров). Таким образом, рассказчик на протяжении всего романа балансирует между двумя пограничными состояниями в своем личном и физическом развитии, выраженными, с одной стороны, в форме мании величия, а с другой — страхом перед неудачей.

В отличие от Т. Бруссига и Й. Шпаршу, которые доводят до абсурда клише «осси» и «весси», Инго Шульце занимает позицию внимательного наблюдателя. В своем романе о жизни восточной провинции «Simple Stories» он отказывается от типично восточно-немецкого представления в плакатной форме, стараясь быть сдержанным в своих оценках. Зачастую в конце романа уже невозможно определить, кто над кем смеется, говоря «те, по ту сторону», — «осси» над «весси» или наоборот.

Истории, представленные в книге, большей своей частью нельзя рассматривать как типичные именно для жизни в восточной части Германии. Очередь за газетой «Bild», которая на потеху «весси» закупается «осси» в нескольких экземплярах, а также описание Ханнисом Франкфурта-на-Майне, полного проституток и наркоманов, являются лишь отражением в зеркале СМИ поверхностных фрагментов объединения.

Роман «Simple Stories» многогранно показывает последствия падения системы в ГДР во всех областях жизни жителей городка Альтенбурга. В профессиональной сфере причиной неуверенности героев становится прежде всего безработица и тесно связанные с ней финансовые проблемы. Герои романа вынуждены бороться за свое рабочее место во вновь объединенной стране и из этой борьбы часто выходят проигравшими. Их образование и приобретенные квалификации больше не имеют никакой ценности. Так, искусствовед Мартин Мауер не может закончить свою диссертацию, а профессия «диспетчер» Раффаэла не известна никому на Западе. В романе нет почти ни одного персонажа, чье рабочее место не находилось бы под угрозой или кому по крайней мере один раз не пришлось его сменить. Тем не менее, вопреки клише о флегматичных и впадающих после объединения в летаргический сон «осси», герои романа Шульце пытаются взять жизнь в свои руки: почти все находят работу, подстраиваясь к новым условиям. Однако, расставшись с тоталитарной системой ГДР, они уже в новом пронизанном духом конкуренции обществе сталкиваются с той же коррумпированностью и мелким предательством в быту.

Послесловие

Анализ литературного ландшафта Германии после падения Берлинской стены не дает возможности подвести даже промежуточные итоги. Очевидно, что стена, возведенная между восточными и запад-

ными немцами, осталась, правда, теперь в другом качестве. По-видимому, процесс ее окончательного разрушения в головах граждан Германии растянется еще не на одно десятилетие. И эти десятилетия, наверняка, найдут свое отражение в литературе, но уже у третьего поколения немецких писателей.

Список литературы

1. *Bremer U.* Visionen der Wende. Eine textanalytische Untersuchung erzählerischer Prosa junger deutscher Autoren zur Wiedervereinigung. Osnabrück, 2002.
2. *Brussig Th.* Helden wie wir. Frankfurt a/M., 1999.
3. *Solms-Laubach F.* Ost- und Westdeutsche entfernen sich voneinander [Электронный ресурс]. URL: <http://www.welt.de/politik/article3775359/Ost-und-Westdeutsche-entfernen-sich-voneinander.html>
4. *Schalk A.* Coitus germaniae interruptus. Die deutsche Wiedervereinigung im Spiegel von Prosa und Dramatik // Weimarer Beiträge. 39. H. 4. 1993.
5. *Schmidt K. W.* Geschichtsbewältigung. Über Leben und Literatur ehemaliger DDR-Autoren in der wiedervereinten Bundesrepublik. Eine Bestandaufnahme kulturpolitischer Debatten und fiktionaler, esseyistischer sowie autobiographischer Publikationen seit der Vereinigung // Pluralismus und Postmoderne: Zur Literatur- und Kulturgeschichte in Deutschland 1980–1995. Frankfurt a/M.; B.; Bern u. a., 1996.
6. *Sparschuh J.* Der Zimmerspringbrunnen. Roman. Köln, 1995.
7. *Wittstock U.* Die Dichter und ihre Richter. Literaturstreit im Namen der Moral: Warum die Schriftsteller aus der DDR als Sündenböcke herhalten müssen // Süddeutsche Zeitung. V. 13/14.10.1990.